

ГЛАВА 17. СОННЫЙ ПАРАЛИЧ

Бянь Шэнцзянь долго разглядывал магический талисман, прежде чем медленно сунуть его обратно в рюкзак. Он решил изучить его позже, когда вернётся в общежитие. Размяв затекшие ноги, он поднялся и устоял на замершую гладь озера, которую закат уже успел окрасить в ярко-оранжевый. Только сейчас до него дошло, что уроки давно закончились.

Он развернулся, собираясь подняться по ступеням, но в голове внезапно всплыли слова, которые Чжоу Ли выпалил в тот день, когда напился в стельку:

«Кто-то когда-то пытался здесь утопиться».

Шэнцзянь замер. Поколебавшись пару секунд, он всё же спустился обратно к самой кромке воды, поднял с земли два камня и швырнул их в центр озера. Раздался громкий всплеск, и по воде пошли круги.

— А глубоко, — нахмурился он.

Он перевёл взгляд на огромный предупреждающий знак. Трава вокруг была скошена, и её резкий, влажный аромат вперемешку с запахом сырой земли неприятно бил в нос.

Шэнцзянь обошёл то место, где до этого валялся Лу Шэнь, и уже собирался поискать палку подлиннее, чтобы прощупать дно, как сверху раздался окрик:

— Эй! Слышишь, парень!

Шэнцзянь поднял голову. На него, праведно негодуя, таращился какой-то парень с красной повязкой на рукаве — видимо, дежурный из школьного патруля.

— Отойди от воды! Живо наверх! Ты из какого класса?

— Понял я, — буркнул Шэнцзянь.

Он нехотя поднялся на террасу, но дежурный и не думал отставать, преградив ему путь:

— Из какого ты класса, я спрашиваю? Ты что, не знаешь? Главное табу Четвёртой школы — не приближаться к озеру и Хоушаню!

— Да хорош уже, — Шэнцзяню это окончательно надоело. Он подхватил рюкзак, собираясь уйти. — Я же не прыгнул... Дай пройти, спасибо.

— Ты! — парень, видимо, впервые встретил такого наглеца. Он с возмущением затряс своим журналом дежурств: — Пожалуйста, содействуй патрулю! Класс и фамилия?

— Твою ж... — Шэнцзянь закатил глаза. — Тебе реально нечем заняться?

— Что ты сказал? — дежурный аж задохнулся от возмущения. — Ты мне грубишь?

— 11-8 класс, Дэн Сы, — Шэнцзяню было лень препираться, и он выпалил первое пришедшее на ум имя. — Доволен? Пропусти.

Парень быстро чиркнул в блокноте, но тут же засомневался:

— 11-8 класс... А разве в восьмом есть кто-то по фамилии Дэн?..

— Бянь-цзай! — кто-то в паре шагов от них махнул рукой. — Погнали жрать!

— Иду! — Шэнцзянь, не раздумывая, отпихнул дежурного в сторону и, поравнявшись с Лу Шэнем, с размаху огрел того рюкзаком по спине: — Да пошёл ты! Я же просил меня так не называть, по-детски звучит.

— Эй, постой! — дежурный всё ещё сомневался. — Ты меня не обманываешь? Точно из 11-8 класса? Покажи карту учащегося!

— Да ты, блядь... — Шэнцзяня уже начало трясти от этой гипертрофированной исполнительности. — Даже если бы я в озере утоп, на тебя бы это не повесили. Ты ещё человеком-то стать не успел, а уже в начальники лезешь?

— Ладно тебе, — Лу Шэнь перехватил его за локоть. — Не связывайся с ним.

Шэнцзянь всё ещё тыкал в сторону дежурного пальцем, явно не успев выпустить пар:

— Нет, ты иди сюда...

— Бежим! — Лу Шэнь дёрнул его за руку прежде, чем парень успел сорваться с места.

Они рванули через ряды деревьев к школьной дороге. Дежурный, видимо, опешил от такой наглости и просто остался стоять на месте, глядя им в спины. Преследовать их он не решился.

— Ты чего бежишь? Больной? — Шэнцзянь был в недоумении, но хватка Лу Шэня на его запястье оказалась на удивление крепкой. Только отбежав на приличное расстояние, он рыкнул: — Руку убрал!

Лу Шэнь разжал пальцы и, согнувшись, несколько раз кашлянул от смеха:

— Бянь-цзай, у тебя было такое милое лицо, когда ты с ним спорил.

— Я, блядь, злился! — Шэнцзянь отвесил этому придурку оплеуху по плечу. — Откуда ты вообще берёшься вечно? Ты что, привидение?

— Не привидение, — Лу Шэнь перестал улыбаться, и его голос внезапно стал серьёзным: — Я твой дух-хранитель. Оберегаю тебя, чтобы ты прожил эту жизнь в полном покое.

—...Потрясающе, — процедил Шэнцзянь сквозь зубы.

После ужина едва перевалило за семь вечера. У них ещё оставалось время поклоняться внизу, но у Шэнцзяня не было настроения. Он просто уселся на одну из скамеек у дороги и уставился в пустоту, разглядывая прохожих.

— Ты разве не собираешься вечером почитать? — Лу Шэнь кивнул на других учеников, которые поголовно таскали с собой учебники.

— Не тянет, — Шэнцзянь достал телефон и начал лениво листать сообщения. — Я что, похож на любителя учёбы?

— Не особо. Но на вид ты парень сообразительный, — заметил Лу Шэнь.

— Угу, — Шэнцзянь даже не поднял головы.

— Так почему не учишься? — Лу Шэнь понизил голос. — С семьёй воюешь?

Шэнцзянь наконец удостоил его взглядом, но ответил холодно и ровно:

— Пора возвращаться.

— Я угадал? — Лу Шэнь приподнял бровь.

Шэнцзянь промолчал. В его нежелании учиться действительно была заслуга Бянь Цзяньхуа, но в основном проблема крылась в нём самом.

В детстве его часто называли вундеркиндом. Тогда он ещё не понимал, что люди просто

лебезят перед его отцом, и, купаясь в приторной лести, возомнил о себе невесть что. В начальной школе он смотрел на одноклассников свысока, считая, что он — пуп земли, а какая-то там учёба — плёвое дело.

Но со временем он остро почувствовал разрыв между собой и остальными. Эта пропасть становилась всё глубже. Удар по самолюбию был сокрушительным. Как бы он ни старался, за все шесть лет он так и не смог сместить с первого места девчонку-старосту, которая удерживала его мёртвой хваткой. В средней школе он окончательно забил на всё: начал прогуливать уроки, а драки стали его вторым «я». Ему даже не нужно было учиться махать кулаками — он получал выговоры пачками, а его лицо, заклеенное пластырями, красовалось на каждом «позорном листе» у входа в школу.

Только когда в его жизни появилась музыка, когда он встретил Ли Фэя и остальных, Шэнцзянь почувствовал, что нашёл хоть какой-то смысл. На слова Бянь Цзяньхуа в духе «ты хоть думал о своём будущем?» он плевал с высокой колокольни. В конце концов, у того и права-то не было его поучать.

Но сейчас всё было иначе. Другая обстановка, новые люди. Иногда на уроках, пребывая в полудрёме, он ловил себя на мысли: если так пойдёт и дальше, что его ждёт?

— Учусь я или нет — не твоё собачье дело, — отрезал Шэнцзянь.

Лу Шэнь пожал плечами, не развивая тему:

— Пойдём.

Ровно в семь пятнадцать за спиной Шэнцзяня с лязгом закрылась дверь общежития. В такие моменты он всегда чувствовал себя как в тюрьме. Сегодня сил не было ни на что, и, бросив Лу Шэню пару дежурных фраз, он собрался закрыться в своей комнате.

— Сань-гэ, — Лу Шэнь придержал дверь рукой. — Если что-то случится, я в соседней комнате.

— Что может случиться? — Шэнцзянь нахмурился, вспоминая дневное предупреждение Лу Шэня о том, что сегодня нужно быть осторожным. — Ты опять меня пугаешь?

— Да как я смею, — Лу Шэнь усмехнулся и убрал руку. — Спокойной ночи. Увидимся завтра.

— Ага, — Шэнцзянь несильно стукнул его кулаком по плечу. — Ты какой-то странный, честное слово.

В этот вечер навалилась необъяснимая сонливость.

Шэнцзянь закончил практиковаться на гитаре и глянул на часы — едва перевалило за десять. Обычно в это время он был бодр как никогда, но сейчас веки стали свинцовыми. Превозмогая себя, он доплёлся до балкона, умылся, а потом просто рухнул на кровать. Он уснул мгновенно, не успев даже досчитать до трёх.

Но сквозь сон он снова услышал звон колокола. На этот раз звук был отчетливым как никогда — тяжелые удары, казалось, обрели плоть и впивались прямо в барабанные перепонки.

— Черт... да что за бред... — пробормотал он и нащупал на тумбочке беруши.

Стало тихо. Так тихо, что он слышал собственное сердцебиение.

Так-то лучше. Шэнцзянь повернулся к стене, поерзал, устраиваясь поудобнее, и замер, сжимая в кулаке край одеяла.

В комнате царил тишина. Окна и двери были закрыты, осталась лишь крохотная щель для воздуха, но Шэнцзянь вдруг почувствовал, как по телу пробежал холод.

— Почему так зябко? — он нахмурился, не открывая глаз, и плотнее закутался в одеяло.

Станный, неестественный холод сочился прямо сквозь доски кровати, пробирая до костей. По спине поползли колючие мурашки.

«Что происходит? Октябрь еще не наступил, откуда такие заморозки?»

Шэнцзянь хотел было встать и набросить куртку, но сознание путалось, а сон тянул на дно. После недолгой внутренней борьбы он сдался и снова провалился в забытие.

И тогда ему приснился сон. Сон о человеке, которого он не видел уже очень давно.

— Мама! — крикнул он в спину знакомой фигуре. Его голос дрожал. — Это ты?

Женщина медленно обернулась. На её лице отразилось изумление:

— Саньбао?

— Это я! — Шэнцзянь закивал и бросился к ней. — Мама!

Но сколько бы он ни бежал, расстояние между ними только увеличивалось. Силуэт женщины начал расплываться, тая в тумане.

— Мама! — в отчаянии кричал он. Расстояние росло, мир вокруг мерк.

— Саньбао... где ты?.. — донёлся до него тихий, нежный и тревожный зов.

— Я здесь! Я... — Шэнцзянь не договорил. Он застыл на месте. Лицо его исказилось от ужаса.

Нож.

Окровавленный нож.

Ярко-красные капли глухо падали с рукояти, собираясь на полу в липкую лужу. В воздухе повис тяжелый, приторный запах сырого железа. Шэнцзянь в оцепенении смотрел, как кровавое пятно расползается по полу, подбираясь к его ногам.

— Сы... сынок, — позвал его кто-то. Голос был хриплым, свистящим, будто у говорящего было перерезано горло.

Он поднял глаза. Из груди женщины торчал нож. Кровь хлестала из рваной раны, заливая всё вокруг.

— Это неправда, — сказал человек, сжимавший нож.

— Нет... этого не может быть, — человек с силой выдернул лезвие. Его всего трясло. — Это не по-настоящему!

В то же мгновение женщина рухнула на пол. Окровавленные волосы облепили бледное лицо. Но на её губах застыла странная, пугающе мягкая улыбка:

— Будь умницей. Ты должен слушаться.

— Это неправда! — кричал человек с ножом. В его голосе слышалось животное отчаяние. — Сынок, верь мне! Это всё не по-настоящему!

Шэнцзянь попятился, споткнулся и повалился на землю. Двое — живой и мертвая — в упор смотрели на него. Их губы шевелились, но он больше не слышал ни слова.

— Это неправда... я сплю... — он обхватил голову руками, содрогаясь всем телом. — Пожалуйста... нет... не надо...

— А-а-а!

Шэнцзянь резко открыл глаза. Он был насквозь мокрый, будто его окунули в ледяную воду. Пропитанная потом пижама липла к спине.

Он судорожно хватал ртом воздух в темноте, как человек, тонущий в глубоком океане. Голова и позвоночник онемели, перед глазами плыли черные круги.

Он дышал так целую минуту, прежде чем попытался стащить с себя мокрую одежду. Но в следующую секунду его прошиб холодный пот: он не мог пошевелиться.

«Твою мать, что за дела?»

Шэнцзянь попытался сесть, напрягнул мышцы, но не смог пошевелить даже кончиком пальца. Тело мгновенно перестало ему подчиняться, превратившись в пустую, неподъемную оболочку, внутри которой заперли его душу.

Через тридцать секунд в голове всплыл диагноз: сонный паралич.

И хотя он знал, что этому есть научное объяснение, в этот миг ему показалось, что он сходит с ума. Он не мог ни двигаться, ни кричать. В давящей тишине он слышал только собственное прерывистое дыхание. Страх накатывал волнами, сердце колотилось в бешеном, неровном ритме.

Шэнцзянь впал в отчаяние. Он хотел закрыть глаза, но даже веки его не слушались.

Он отчаянно боролся, пытаясь вернуть контроль над собственными мышцами, как вдруг входная дверь вздрогнула. Раздался глухой звук, будто кто-то снаружи ударил по ней ногой.

Он с трудом перевел взгляд на окно, и в этот миг его сердце едва не выпрыгнуло из груди.

В проеме окна замер смутный, колышущийся черный силуэт.

<http://bllate.org/book/17573/1711854>